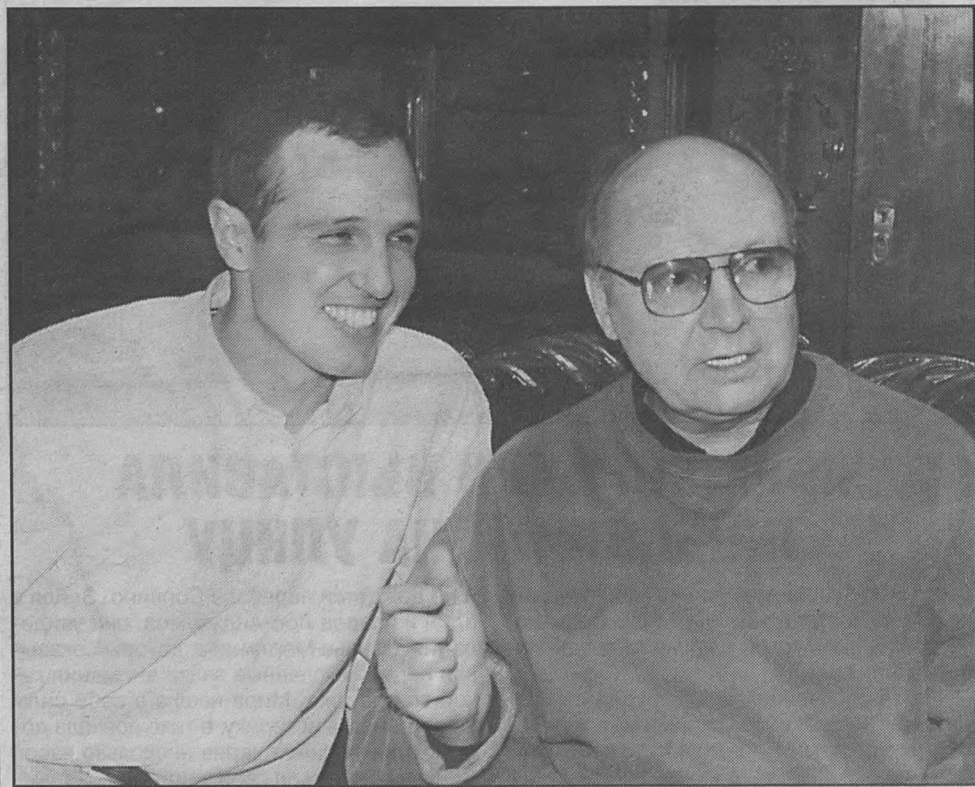

Игорь ВЕРНИК: САМЫМИ РОМАНТИЧНЫМИ В МОЕЙ ЖИЗНИ ВСЕГДА БЫЛИ РАССТАВАНИЯ

Когда я в первый раз позвонила Игорю Вернику домой, чтобы договориться об интервью, ему неохота было разговаривать по телефону, и, услышав в ответ на свое «Алло» мое деловитое «Здравствуйте, меня зовут...», он весело перебил: «Добрый день. Вас приветствует автоответчик. Оставьте свое сообщение после сигнала». Пришлось смириться и бросить глупую затею. Зато потом Игорь сам перезвонил и назначил встречу во МХАТе имени Чехова. Очень худой, в молодежной куртке и широких джинсах, с портфелем в руке, он уверенно вышагивает по коридорам родного театра, приветствует коллег фирменной верниковской улыбкой, щедро раздает комплименты представительницам прекрасного пола. Обаятельный и собранный. Герой своего времени.

С Андреем Мягковым.

— У вас с женой разница в возрасте 13 лет. Не страшно было в такую девушку влюбиться? Суеверия не было?

— Никакого. Во-первых, когда мы встретились, я еще не знал, что между нами «чертова дюжина», я думал, лет двадцать пять. Шутка! Да я даже не думал. И сейчас не думаю. И потом, у нас разница почти в четырнадцать лет. Одним словом, к знакомству с Машей я отношусь оптимистично.

— Вы всегда очень нежно о ней рассказываете. Мужчины вроде бы не любят говорить о личной жизни.

— Ну, не то чтобы я на каждом углу о ней говорю... Конечно, она стала частью моей жизни. Я вырос в доме, где семья — это действительно союз, единственно возможный. Где муж с женой не существуют раздельно.

— Почему же сами на брак решились только к сорока годам?

— (Обиженно) Мне еще нет сорока, спасибо вам.

— Извиняюсь...

— Дело в том, что я был уже женат. Мне кажется, имеет смысл жениться несколько раз в жизни. В первый раз я связал себя узами брака лет в двадцать: еще учась в институте, встретил девушку, которую полюбил, захотел на ней жениться. Отец мне говорил: «Подожди, рано, что ты!». Нет, я знал, что это навсегда. Мы прожили вместе шесть лет, потом расстались. Лет через двенадцать я женился вновь. Так что жениться надо в самом начале, потом годам к сорока, а потом уже лет в восемьдесят, когда Маша постареет, ей будет 67 и придется ее менять и находить молоденьких (очаровательно улыбается). Шучу! А вообще, если отвечать на ваш вопрос, то это, наверное, судьба. До того я кружился в бесконечной воронке романов, и шансов жениться у меня в принципе не было. Создался определенный круг, в котором людям очень сложно пробиться друг к другу. А эта наша встреча, в магазине, находилась за рамками

моей повседневной жизни. Как какой-то подарок.

— Стали семейным человеком?

— Я никогда не считал себя несемейным. Моя семья — это еще и родители. А сейчас — Маша и сын Гриша. Это не значит, что я превратился в такого крепкого семьянина, который по воскресеньям и субботам чистит картошку, убирает квартиру. У меня такое и по времени не получается. У нас семья молодая, активно живем...

— Неужели, появляясь так часто на публике и много работая, реально уделять внимание и семье?

— Нереально. Но, понимаете, семья — это же не некий ритуал: вечером моешь посуду за жену, утром она за тебя. Ты ей кофе в постель, она тебе теплые носки. Семья — это что-то такое на уровне ощущений. Да, мой образ жизни противоречит жизни семьянина. Ни выходных вместе, ни будней, ни с ребенком погулять, ни за женой поухаживать, когда она болеет, ни на день рождения к друзьям вместе сходить...

— Ужас!

— (Кивая головой) Ужас. Картина чудовищная. Я прихожу домой злой, уставший, говорить не хочу. Так что семья у нас такая, очень тяжелая... Но при этом можно посмотреть и с другой стороны: у нас совершеннейший союз с Машей, с Гришей. И может быть, в те немногие минуты, что мы проводим вместе, мы больше проживаем, чем другие родители и дети в размеренном ритме. Малышам рассказывают одну сказку в течение месяца, я сочиняю за раз тридцать сказок.

— Вообще сложно было отказаться от холостяцкой жизни, донжуанства?

— Я не думал тогда. Маша не оставила мне шансов подумать. Я был совершенно ошарашен, хотел только видеть ее! Не расставаться. Есть гениальная формула успеха: «В нужное время в нужном месте». Вот если бы мы с Машей, к примеру, познакомились в тусовке, могли бы не разглядеть друг друга, не расслышать, просто столкнулись, как все (резко хлопая в ладоши), лбами. В тусовке все искрит... А я в то время, наверное, уже созрел для брака. Даже на день рождения пожелал себе родить ребенка, встретить любимую женщину.

— Что самое шикарное или романтическое вы дарили любимой?

— Самыми романтическими в моей жизни всегда были расставания с женщинами. Я устраивал им потрясающие проводы.

— ???

— (Смеется) Чувства — это такая неуловимая, угасающая штука, их удержать невозможно. И некрасиво бросать. Но я всегда питал иллюзию, что с женщиной можно сохранить добрые, теплые, товарищеские отношения. Все-таки мы прожили вместе кусок жизни... Это не значит, что я поднимался с девушкой на воздушном шаре и говорил ей: «Дорогая, мы расстаемся». Но как-то я всегда хотел, чтобы женщина думала, будто это она со мной расстанется, она не хочет больше меня видеть. А из таких вещей... Ну, скажем так: я превращал жизнь женщины в ежеминутный праздник. Я писал стихи, песни... Не помню. Жене я подарил машину. Хотя это не шикарно.

— Вы совсем не похожи на брата. Один веселый, тусовщик, другой — вдумчивый, серьезный... Как в детстве уживались?

— Я всю жизнь вместе с братом. У нас разница в пятнадцать минут. То есть я жил без него всего пятнадцать минут. Поэтому слово «уживались» к нам не относится. У нас была одна детская комната, одни иг-